

ББК 81.2 Рус-3
УДК 413

Л.Н. ФЕДОСЕЕВА

L.N. FEDOSEEVA

К ВОПРОСУ О СИНТАКСИЧЕСКИХ
КВАЛИФИКАЦИЯХ ЛЕКСИКИ:
СИНКРЕТИЧНЫЙ ЧЛЕНОПРЕДЛОЖЕНЧЕСКИЙ
СТАТУС СЛОВОФОРМ
С ЛОКАТИВНЫМ ЗНАЧЕНИЕМ

ON THE SYNTACTIC
LANGUAGE QUALIFICATIONS:
SYNCRETIC CHLENOPREDLOZHENCHESKY
STATUS WORD FORMS
WITH LOCATIVE MEANING

Данная статья посвящена синтаксическому поведению словоформ с локативным значением. С использованием обширного иллюстративного материала анализируются факты членопредложенческого синкретизма локативов. Делается вывод об использовании синтаксического потенциала локативов для выражения коммуникативных установок автора предложения-высказывания.

This article focuses on the syntactic behavior of word-forms with locative meaning. With extensive illustrative material facts are analyzed chlenopredlozhcheneskogo syncretism locative. A conclusion on the use of syntactic capacity to express locative communication systems, the proposer of the utterance.

Ключевые слова: словоформы с локативным значением, члены предложения, предикат, обстоятельство, определение, дополнение, синкретизм.

Key words: word forms with locative meaning of the sentence, the predicate fact, definition, addition, syncretism.

В сфере выражения локативности нередко наблюдается синтаксический синкретизм – совмещение (синтез) в одном члене предложения дифференциальных признаков разных членов предложения, разных их функций. Это явление свидетельствует, с одной стороны, о гибкости системы членов предложения, об их способности выражать все разнообразие явлений действительности и отношений между ними, а с другой стороны, показывает, что только типичными членами предложения нельзя передать все оттенки значений, так как не всегда однозначны сами языковые явления, с помощью которых выражаются сложнейшие связи и отношения между явлениями действительности.

Словоформы с локативным значением употребляются в предикативных позициях. Ср.: *Камни всюду в его доме – на камине, на книжных полках* (журн.); *Начальство у себя?* (Павленко); *Валентина – в палисаднике* (Вампилов); *Лейтенанту было неизвестно, что там, за приближающимся поворотом* (газ). Локативные конструкции могут обозначать процесс, протекающий во времени; тогда в сказуемом совмещаются локальные и темпоральные значения. Ср.: *Махнуть к этому филармонисту, что ли? Так он теперь, поди, на своих концертах* (Носов); *Мы сами волнуемся, в первый раз ведь на параде* (Носов).

Проблема квалификации таких форм спорна. Одно решение (его находим у А.А. Шахматова и А.М. Пешковского) состоит в признании их обстоятельственными, «опущенного» глагола – вещественным, а предложения в целом – неполным. Исторически эта позиция локативной словоформы в безглагольных предложениях не нова и отмечается А.А. Шахматовым в древнерусском языке. Такое употребление связано с разговорной речью, но зависит также

и от судьбы связки: безглагольные предложения утверждаются по мере исчезновения связки *есть – суть* [10, с. 321; 8, с. 240].

Давность, стабильность и регулярность этих предложений привела исследователей к мысли о самостоятельном предикативном значении форм с локативной семантикой. Так, Г.А. Золотова пишет: «Структурно-смысловые элементы со значением места, времени, причины и под. не распространяют здесь предикативную основу предложения, а составляют её, образуют в сочетании с первым компонентом предикативный минимум, без которого не было бы предложения. *Кавказ подо мною; Глаза – на рогах, а дом на спине* и пр.» [3, с. 164].

Наиболее радикально в этом отношении высказался Р. Мразек, отнёсший адвербиальные и объектные словоформы к предикату не только в безглагольных конструкциях (*Он в городе; Мы дома*), но и в глагольных (*Он был в городе*), считая *был* не глаголом, а связкой [6, с. 59]. Одним из аргументов послужили переходные и неясные по происхождению предложно-падежные формы в предикативной функции типа *Материал был из Болгарии; Он уже на воле*. Таким образом, специфика предикативных форм типа *в городе, дома* состоит именно в замещении глагольной формы настоящего времени.

Признание предложений со сказуемыми обстоятельственного значения особенно заметно развивалось в период разработки идей семантического синтаксиса. Так, Ю.С. Степанов, анализируя десять категорий Аристотеля: сущность, количество, качество, отношение, место, время, положение, обладание, действие, претерпевание (страдание), – связывает их с типами предикатов: «Исследователи уже давно указывали, что категории Аристотеля тесно связаны с языком. Детальное рассмотрение их с этой точки зрения показывает, что в виде категорий у Аристотеля перечислены, причём в определённом порядке, все формы сказуемого, которые могут встретиться в простом предложении древнегреческого языка» [9, с. 162]. Ю.С. Степанов сопоставляет категории Аристотеля со структурными членами простого предложения, приведёнными в Грамматике-70, и приходит к выводу, что для каждой из категорий имеется более чем одна структурная схема, а большинству структурных схем имеются вполне точные или довольно близкие соответствия в английском и французском языках. Для нашего случая важны синтаксические соответствия категории места. Отсутствие глагола в этих предложениях ученый считает нормой и приводит несколько необычных пример (в предикативной функции – придаточная часть сложноподчинённого предложения): *Я – где корни слепые ищут корма во тьме; я – где с облачком пыли ходит рожь на холме; я – где крик петушиный на заре по росе; я – где ваши машины воздух реут на шоссе* (Твардовский) [там же].

Некоторые лингвисты квалифицируют рассмотренные выше случаи как синтез свойств сказуемого и второстепенных членов предложения. В.В. Бабайцева пишет: «Перенос центра семантической тяжести на второстепенные члены ослабляет структурное и семантическое значение глагольных форм и обуславливает возможность эллипсиса их. В результате образуются модели (схемы), по которым строятся предложения типа: *Где газеты? Куда ты? Отец в лесу*. Слова *где, куда* и словоформа *в лесу* не могут быть сведены к одному и тому же члену предложения, так как в них обнаруживается синкретизм в разной степени: удельный вес свойств сказуемых и второстепенных членов в таких словах и словоформах различен. Это зависит как от их лексического и лексико-грамматического, так и категориального значения. Одни случаи можно квалифицировать как периферийные для второстепенных членов, другие – как периферийные для сказуемых, третьи – как промежуточные, если проследить совмещение свойств сказуемого и второстепенных членов по «шкале переходности». Слова *где, куда* и словоформа *в лесу*, сохраняя обстоятельственные значения, приобретают и структурную значимость (входят в структурную схему предложений), но это не превращает их

в именную часть сказуемого. Слишком сильна в них семантика обстоятельства... Модально-временные свойства сказуемого выражаются нулевой связкой» [1, с. 145].

По этому же вопросу у В.М. Никитина читаем: «Такие предложения без сказуемого мы считаем полными предложениями с нулевым сказуемым, поскольку в них элемент состава сказуемого (обстоятельство места) стал обладать способностью оставаться без сказуемого, перестал нуждаться в наличии последнего. Подобно тому, как предложения с нулевой связкой принято считать полными, есть все основания и предложения типа *Озеро в лесу, Деревня близко* считать полными, но бессказуемыми. Мнение о том, что зависимое слово в них является сказуемым, опровергается, если мы вставим в них глагол *быть*, который в этом случае не приобретает свойства связки. В предложениях типа *Цветы находятся в комнате* управляемая форма выявляется как обязательный по значению, но переменный по форме член предложения. Ср.: *Цветы находятся дома (внутри, там, здесь и т.п.)*. Его можно назвать необходимо-переменным членом предложения. Такой чертой отличается обстоятельство места, прежде всего при глаголах нахождения, пребывания. ... Возможно, что в отдельных случаях, говоря фигурально, помощник-союзник сказуемого может, вытеснив сказуемое, стать его конкурентом, претендентом на пост своего «хозяина»-сказуемого. Не исключена возможность употребления слова *здесь* в роли сказуемого в таком, например, диалоге:

- *Иванов сегодня отсутствует.*
- *Что вы, профессор, я здесь.*

В данном случае *здесь* есть противопоставление глаголу *отсутствует*» [7, с. 91. Курсив наш - Л.Ф.].

На наш взгляд, аргументы в пользу предикативного характера рассмотренных словоформ более убедительны: очевидна роль локативов как полноценного «заместителя» глаголов-предикатов настоящего времени. Правда, во избежание слишком узкой трактовки таких языковых явлений следует оговаривать их синтаксический синкретизм.

М.В. Всеволодова квалифицирует локативы либо как предикаты, либо как обстоятельства в зависимости от типа глагола, который выступает в таких случаях в 0-форме: «Слово в предложении может иметь нулевую форму (синтаксический ноль, 0-форма): отсутствуя физически, сохранять вокруг себя все определенные его смыслом позиции других словоформ [Ширяев, 1967; Мельчук, 1974; Булыгина, Шмелёв, 1990]. Так, в случаях ... типа *На полюс - дуэтом; На собаках - по тундре* - 0-формы глаголов движения и т.д. Наличием 0-формы однозначного бытийного глагола в предложении (14) *На столе - книга*; и 0-формы глагольной связки в предложении (15) *Книга - на столе* объясняется тот факт, что в (14) словоформа *на столе* занимает позицию обстоятельства, а в (15) - сказуемого [Арутюнова, 1976, 210 и сл.], [Арутюнова, Ширяев, 1983]» [2, с. 22]. Такое разграничение синтаксической функции локативов, на наш взгляд, вполне оправданно: в первом случае (локатив в препозиции, в теме) мы имеем дело с неполным предложением, в котором отсутствует однозначный глагол, что подчёркивается сохранением обстоятельства, т.е. второстепенного члена группы сказуемого. Во втором случае перед нами полное предложение (локатив в постпозиции, в реме). Опущение связки настоящего времени в подобных конструкциях приняло в языке регулярный характер, в результате чего локатив принимает на себя всю предикативную смысловую и грамматическую нагрузку.

На основе безглагольных конструкций с локативным значением могут возникать предложения со значением состояния: *Но Чехов - в немногочисленном ряду тех, чья жизнь протекала «тихо»* (журн.); *Объекты социально-культурного назначения в нашем обществе, если можно так выразиться, - на задворках* (газ.); *Жарко было. Окна инструкторского конференц-зала - настежь* (газ.); *Языковая модель предложения - вне влияния распространителей и контекста* (журн.).

Словоформы с локативной семантикой в предикативной позиции постоянно расширяют оттенки значения. Например, среди них появляются конструкции со значением направления: *А вы в Сталинград?* (Симонов); *– На западном не были? – тревожно спросил безногий Бунчиков. – Я с западного* (Павленко); *Вы тоже в Подьячье?* (Носов); *В любом деле, большом или малом, первопричина успехов и неудач – конкретный человек. Все – от человека, все – в нем* (газ.).

Все описанные выше явления свидетельствуют о тесной спайке, тесном смысловом единстве обстоятельства и сказуемого. В пользу данного утверждения говорят и встречающиеся соотношения суммы значения обстоятельства и сказуемого со значением другого сказуемого без обстоятельства: *идёт вверх – поднимается; идёт вниз – опускается; Мы идём вперёд, а они отступают*. Такая замена сочетания глагола с локативом одним глаголом возможна лишь в немногих случаях.

Некоторые глаголы не нуждаются в отдельных обстоятельствах, в противном случае возникает плеоназм: *опустил вниз, поднял вверх*. Глаголы в данных примерах настолько ярко выражают локативность (направление движения), что какое-либо усиление их семантики излишне.

Обстоятельство обслуживает главным образом сказуемое, а из его форм – глагол, обеспечивая полноту его лексического значения, а иногда и замещая его. Сказуемое – главная область применения обстоятельства, главная его сфера.

За пределы сказуемого, как и за пределы глагольной формы сказуемого, выходят лишь немногие типы обстоятельств. Из прилагательных к обстоятельствам примыкают прежде всего те, которые близки к глаголу. Так, в предложениях *Мы подъехали к снаружи неказистому дому* и *Мы наблюдали за вдали чуть заметным катером* обстоятельства места *снаружи* и *вдали* используются при прилагательных, имеющих предикативную (краткую) форму и выступающих в роли сказуемого со связкой *быть* при перестройке данных предложений: *Мы наблюдали за катером, который был чуть заметен вдали* и *Мы подъехали к дому, который был неказист снаружи*. Кроме того, это поддерживается близостью данных прилагательных к глаголу (ср.: *заметен, заметно, замечено, виден, видно, вижу, виднеется*).

Нередко обстоятельства распространяют и второстепенные члены предложения, например находятся в составе распространённых определений (главным образом причастных оборотов): *Стоящие вблизи люди видели все*. В.М. Никитин называет такие обстоятельства включёнными [там же]. При этом так же, как и в предыдущем случае, очевидно тяготение локативов к распространению форм глагольного происхождения.

Возможны случаи совмещения обстоятельственного (локативного) с атрибутивным или объектным значением.

Так, в словосочетании *поездка на Кавказ* у главного слова (отглагольного существительного) синкретично категориальное значение: оно синтезирует предметность и действие, это обуславливает сложную семантику словосочетания и двойную валентность его. В данном случае совмещаются определительное и обстоятельственное значения, т.е. при функционировании такого словосочетания в предложении зависимое слово выполняет одновременно и роль определения, и роль обстоятельства (в любом случае с локативной семантикой). Например: *Поездка в город и впрямь была для них праздником* (Чичков); *У входа в вагон была обычная вокзальная сутолока* (Чичков).

В различных условиях может быть сильнее или семантика определения, или семантика обстоятельства. Подобные члены предложения в некоторых источниках квалифицируются как «обстоятельственные определения» [4, с. 78].

Также встречается и употребление термина «обстоятельственное дополнение». Некоторые лингвисты так называют предложно-падежные конструкции, одинаково хорошо допускающие и вопрос дополнения, и вопрос

обстоятельства, например у *сестры* в предложении *Я был у сестры*. На наш взгляд, все те косвенные падежи существительного, которые соотносимы с указательными и вопросительными наречиями и составляют словосочетание с непереходным глаголом, имеют не объектное значение и выражают локативные (или другие релятивные) отношения, надо считать обстоятельствами.

Появление таких членов предложения объясняют иногда экономией языковых средств, в результате которой оставшаяся часть берет на себя функции опущенной, сохраняя и свою исконную функцию. Таким образом, в словоформе сочетается старое значение с новым, появившимся в связи с установлением новых отношений. У В.В. Бабайцевой находим такой пример: *Вскоре за поворотом увидел он родной дом, прикорнувший под снегом, ёлочки в палисаднике в пушистых заячьих лапках на каждой веточке, – все словно нежно замороженное и оставшееся таким, каким было в детстве, когда, надышав дырочку в заледеневшем стекле окна, можно было увидеть зимний сказочный мир и домики под снегом, похожие на обливные пряники* (Лидин). В словоформе *под снегом* формируется благодаря глагольной форме *прикорнувший* обстоятельство место, которое сохраняется в сочетании с существительным *домики* при эллипсисе причастия. Таким образом, сохраняется значение места и приобретает значение определения при новой синтаксической связи. Аналогичное синкретичное определительно-обстоятельственное значение имеет в этом предложении и словосочетание *ёлочки в палисаднике*. В отличие от словосочетаний типа *поездка на Кавказ* в нем значение места у зависимого слова не поддержано валентными свойствами главного слова, но не почувствовать это значение невозможно: оно оправдано потребностью в выражении пространственной семантики [7, с. 132].

Синкретичные члены предложения могут совмещать значения и трёх членов предложения. Ср.: *Пар* (откуда? из чего? какой?) *из паровых труб ложится на воду* (Паустовский). Словоформа с локативной семантикой *из труб* может быть квалифицирована как обстоятельство места, дополнение и определение.

Доминирующую функцию при синкретизме определить довольно сложно: необходимо рассмотреть данный член предложения и его окружение с нескольких позиций. В учебнике «Современный русский литературный язык» П.А. Леканта читаем: «При анализе членов предложения с нечётко выраженным значением обычно учитывается категориальное и лексическое значения сочетающихся слов, соотносительность словосочетаний разных лексико-семантических типов, возможность синонимических замен и включения в один сочинительный ряд неморфологизированных и морфологизированных второстепенных членов. Чаще всего в качестве критерия для определения преобладающего значения члена предложения используется категориальная семантика слова.

В отдельных случаях для определения функции словоформы недостаточно отдельного предложения. Вне широкого контекста она воспринимается как синтаксический омоним. Так, в изолированном предложении *И глядит шутник весёлый на людей со стороны* (Твардовский) член предложения *со стороны* может быть определён как обстоятельство места, если считать его связанным с глаголом (*глядеть со стороны*), и как определение с обстоятельственным оттенком, если отнести его к существительному (*людей со стороны*), автор употребил эту словоформу как обстоятельство при глаголе-сказуемом» [5, с. 327 – 328].

Семантическое пространство языка реализуется в виде слов, словоформ, их сочетаний, образующих синтаксические построения. Таким образом, лексика составляет интегральную часть синтаксиса, который вне лексики не существует, как и лексика, которая «оживает» в синтаксических построениях. Поэтому лексика входит составной частью в синтаксис, при

этом выявляются иные, нежели в лексикологии, закономерности её функционирования и описания. Очевидно, что синтаксический потенциал локативов, в том числе их синкретичный членопредложенческий статус, используется для выражения различных коммуникативных установок автора предложения-высказывания.

Литература

1. Бабайцева, В.В. Русский язык: Синтаксис и пунктуация [Текст] / В.В. Бабайцева. - М. : Просвещение, 1979. - 269 с.
2. Всеволодова, М.В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: Фрагмент прикладной педагогической модели языка : учебник [Текст] / М.В. Всеволодова. - М. : Изд-во МГУ, 2000. - 502 с.
3. Золотова, Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка [Текст] / Г.А. Золотова. - М. : Наука, 1973. - 350 с.
4. Канонькин, Н.П. Распознавание второстепенных членов предложения [Текст] / Н.П. Канонькин // «Ученые записки» Ленинградского пединст. им. Герцена. - Л., 1939. - Т. 20. - 349 с.
5. Лекант, П.А. Современный русский литературный язык [Текст] / П.А. Лекант. - М. : Высшая школа, 1988. - 415 с.
6. Мразек, Р. Синтаксис русского творительного [Текст] / Р. Мразек. - Прага, 1964. - 365 с.
7. Никитин, В.М. Вопросы теории членов предложения [Текст] / В.М. Никитин. - Рязань : РГПИ, 1969. - 248 с.
8. Пешковский, А.М. Русский синтаксис в научном освещении [Текст] / А.М. Пешковский. - М. : Учпедгиз, 1956. - 511 с.
9. Степанов, Ю.С. Методы и принципы современной лингвистики [Текст] / Ю.С. Степанов. - М. : Наука, 1975. - 311 с.
10. Шахматов, А.А. Синтаксис русского языка [Текст] / А.А. Шахматов. - М., 1941. - 537 с.